

ПЛЕТУШКОВ М.С., ЯКУШЕВСКИЙ А.С.

ОСОБЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

Минуло полвека с окончания Великой Отечественной войны. Она явилась самым трудным испытанием для советского народа. Он его выдержал и победил исключительно сильного врага, поставившего своей целью уничтожить Советское государство и поработить его народ. В ожесточенной кровопролитной борьбе советский народ отстоял свою независимость и право на существование.

События войны стали историей. О ней написаны десятки тысяч различных работ: исследовательских, мемуарных, публицистических, художественных. В них раскрыт ход и значение боевых действий на советско-германском фронте, масштабы всенародной борьбы в тылу врага, роль советского тыла в создании предпосылок для разгрома противника, показаны источники силы СССР и причины его победы, патриотизм советских людей, их героизм на фронте и в тылу, благотворное влияние победы Советского Союза на дальнейшие судьбы человечества.

Однако анализ опубликованной в нашей стране литературы о Великой Отечественной войне свидетельствует, что она наряду со значительными достижениями во всех областях не лишена и элементов тенденциозности, проявляемой прежде всего в подчинении истории политике. Тенденциозность характерна для историографии почти всех стран. Вплоть до распада СССР историография Великой Отечественной войны на протяжении всего своего существования контролировалась сверху, Центральным Комитетом КПСС, и фактически являлась отраслью партийной пропаганды. После распада СССР, хотя и исчез прежний тотальный контроль, история войны продолжает писаться по политическим меркам. В ней отражаются симпатии и антипатии определенных

слоев населения, а также интересы тех, кто стоит у власти. Воздействие на пишущих историю оказывается в первую очередь не контролем сверху, как раньше, а с помощью различных экономических факторов. Действует принцип, кто платит, тот и музыку заказывает.

Если взять отечественную историографию минувшей войны в целом, то в ней выделяется два сильно отличающихся друг от друга периода. Первый, продолжавшийся до второй половины 80-х годов, - это период советской историографии. Второй, начавшийся с провозглашения в нашей стране перестройки и гласности, - это постсоветский или посткоммунистический период. Каждый из периодов имеет свои отличительные черты.

Историография 1945-1985 гг.

Советская историография была проникнута догматизмом. В отличие от западной историографии, в которой, как правило, наблюдается многообразие точек зрения, для советской была характерна цельность, единство взглядов. Все наиболее масштабные оценки Великой Отечественной войны в ней подчинялись идеологическим и политическим детерминантам. Эти оценки фактически проходили через все работы. Никому не разрешалось от них отступать. В угоду им подчас игнорировались имевшиеся документы и факты. Почти повсеместно исключались дискуссионные подходы к истории войны.

По мере укрепления СССР как социалистического государства и усиления противостояния двух систем история минувшей войны все больше становилась фронтом идеологической борьбы. Наибольшее внимание в работах о войне уделялось показу проявлений преимуществ социалистической системы, прежде всего превозносились достижения СССР и его вооруженных сил в ходе войны. Писалось главным образом только об успешных операциях советских войск, о достижениях советского военного искусства и военной экономики, раскрывался решающий вклад Советского Союза в освобождении других народов от германской и японской оккупации.

Многие годы тема Великой Отечественной войны возникала в советских средствах массовой информации почти исключительно в связи с юбилеями ее победоносного окончания. И трактовка ее была традиционно юбилейной. Саму победу, одержанную над нацистской Германией, в СССР пропагандистски "забальзамировали", сделали ее предметом поклонения. Фактически она не изучалась всесторонне и непредвзято. Крен советской историографии в сторону превознесения наших успехов и достижений привел к тому, что о недостатках в подготовке страны к обороне,

о поражениях и потерях в ходе войны говорилось вскользь, без глубокого анализа причин, а о ряде событий, которые могли быть истолкованы во вред руководству КПСС и страны или бросить тень на господствующий режим, предпочиталось вообще умалчивать. Так, например, поступили с секретными протоколами к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. В результате для советского читателя возник ряд "белых пятен" в истории Великой Отечественной войны. Читатель оставался в неведении о многих имевших место событиях, главным образом тяжелых и трагических для Советского Союза и его армии.

Предвзятый подход к освещению истории наблюдался как в отношении Великой Отечественной войны в целом, так и ее отдельных периодов, этапов, кампаний, битв и операций. В качестве примера можно остановиться на освещении Сталинградской битвы. Советские историки убедительно показали героизм и мужество защитников города на Волге, подготовку и ход советского контрнаступления под Сталинградом, его результаты и международный резонанс (1). Однако об отступлении советских войск летом 1942 г. к Дону и Волге написано бегло, не были глубоко проанализированы причины нашего поражения на южном участке советско-германского фронта, не показывалась полная картина дезорганизации здесь нашей обороны, умалчивалось о наличии панических настроений среди отдельных групп отступавших, о потере рядом командиров управления своими подчиненными. Односторонне освещался приказ Сталина N 227 от 28 июля 1942 г., вводивший штатные заградительные отряды для борьбы против отступавших, игнорировался антигуманный характер этого приказа. Не упоминалось о запрете советскими властями эвакуации гражданского населения из осажденного города.

При сопоставлении сил сторон советские авторы стремились преувеличивать численность войск и количество вооружений противника и соответственно преуменьшить свои силы. Так, в ряде работ о Сталинградской битве отмечалось, что к началу наступления немцев на южном участке фронта летом 1942 г. германские войска превосходили советские по численности (2). В действительности к этому моменту советских сил здесь было больше, чем немецких. Превосходство у немцев было, но не в количестве, а в качестве. Германские войска умели лучше воевать. Их военнослужащие отличались более высокой профессиональной подготовленностью, особенно в низшем звене, на уровне солдат, унтер-офицеров (сержантов), младших офицеров. Наших солдат нередко посылали в бой недостаточно подготовленными в военном отношении боевая выучка у них была ниже, чем у соответствующих категорий военнослужащих вермахта,

Тенденциозным являлся и подход советской историографии к трактовке потерь воюющих сторон. Например, в 3-м томе фундаментального труда "История Великой Отечественной войны Советского Союза" подчеркивается, что успехи немцев весной 1943 г. по окружению советских войск западнее Харькова оказались "достигнутыми слишком дорогой ценой. По существу это была пирова победа" (3). Но такой вывод опровергается сравнительными данными немецких и советских потерь, материалы о которых были рассекречены только в последние годы. Советские войска, оборонявшие Харьков, потеряли в марте 1943 г. 86 тыс. человек убитыми и ранеными, а аналогичные потери немцев за этот период составили лишь 24 тыс. человек, т.е. почти в четыре раза меньше (4).

Одной из особенностей советской историографии Великой Отечественной войны была сравнительная узость ее источниковедческой базы. Большинство архивных материалов оставалось для исследователей закрытыми. Особенно это касалось документов высших органов государственного и военного руководства. В этом отношении западные историки имели значительное преимущество перед советскими. Они могли свободно пользоваться германскими архивными материалами, которые после войны оказались в руках американцев и на коммерческой основе стали предоставляться всем желающим. Советские историки получали право частичного доступа к засекреченным архивным материалам, в основном только при разработке больших официальных трудов, таких, например, как шеститомная "История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945", а также при подготовке закрытых работ, предназначенных для очень узкого круга читателей из числа главным образом руководящего состава. В остальных случаях доступ ограничивался в основном материалами, раскрывающими боевую деятельность частей и соединений.

Еще одной особенностью советской историографии была подготовка большого количества коллективных трудов о войне в целом и ее отдельных проблемах. Такие работы писались по установившимся шаблонам, а их содержание определялось редакционными комиссиями, составленными, как правило, из высокопоставленных военных и партийных деятелей. В них происходила нивелировка текста, форма изложения становилась однообразной. Они больше являлись справочным материалом, чем историческими произведениями, вызывающими интерес у массового читателя.

Не избежала шаблонности и тенденциозности и обширная советская мемуарная литература о войне. Публиковались в первую очередь мемуары военачальников. Многие из них сами в написании участвовали лишь частично, перепоручая очень многое делать Своим подчиненным. Поэтому в таких мемуарах нередко освещались события, в которых авторы непосредственно не

участвовали, а узнали о них из подобранных подчиненными документов. В изложении основных проблем войны мемуары военачальников мало чем отличались от коллективных официальных трудов, страдая в то же время определенным субъективизмом. Почти не выходило воспоминаний рядовых солдат, тех, кто видел войну, ее боевые будни как бы изнутри, с самого близкого расстояния.

Широкий размах получила в советский период документальная литература, основанная на воспоминаниях участников войны, литературные записи которых делали писатели и журналисты. Однако авторы таких записей в погоне за занимательностью повествования нередко приукрашивали своих героев, не проверяли сообщаемых им фактов. Поэтому несмотря на строгий контроль за публикуемой литературой в отдельных документальных очерках допускалось искажение истины. Так, например, в документальной книге Ю.Н.Иванова "Задание особой важности", рассказывающей о фронтовом разведчике подполковнике С.А.Глушенко, герою приписываются многие подвиги, которых он не совершал (5). Не участвовал он, скажем, в пленении в Сталинграде генерал-фельдмаршала Ф.Паулюса, как утверждает в книге, не брал в Берлине в плен генерала артиллерии Х.Вайдлинга, который вместе со своим штабом сдался сам. Не все достоверно также в документальном очерке "Сергей Колыбин", написанном В.А.Любимовым (6). Автор рассказывает о летчике Колыбине как о человеке легендарной судьбы, который во время войны повторил подвиг Николая Гастелло и остался в живых. После выхода книги выяснилось несоответствие написанного действительности. Исторический формуляр авиационного полка, где служил герой очерка, и боевые донесения той поры свидетельствуют о том, что самолет Колыбина был сбит прямым попаданием снаряда в 30 километрах от того места, где летчик, согласно его рассказу, якобы совершил подвиг. Это же подтвердили многочисленные ветераны полка, служившие вместе с Колыбиным. Не находят документального подтверждения и ряд фактов, сообщаемых авторами некоторых опубликованных мемуаров. Поэтому отношение к мемуарам должно быть критическим. Хотя в первом периоде отечественной историографии Великой Отечественной войны и отличается цельностью и наличием многих общих признаков, в ней тоже можно выделить несколько этапов, различие между которыми обусловлено главным образом некоторыми изменениями курса КПСС в связи со сменой первых руководителей партии, а также возникавшими потребностями в изучении тех или иных проблем советско-германской войны.

Первый этап, продолжавшийся до 1956 г., был тесно связан с культом Сталина. Почти все, писавшееся в то время о войне СССР с Германией, являлось разъяснением положений и идей Сталина. Обычно никаких

самостоятельных основополагающих мыслей авторами не высказывалось. Успехи приписывались мудрому руководству "вождя народов", а неудачи объяснялись только внезапностью нападения и вероломством противника, просчеты нашего руководства исключались.

Выступая на приеме в Кремле в честь командующих Красной Армии 24 мая 1945 г., Сталин признал: "У нашего правительства было не мало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941 - 1942 годах, когда наша армия отступала..." (7). Однако, как оказалось, признал он это лишь для того, чтобы закрыть вопрос. В отличие от других сталинских высказываний, которые бесчисленно повторялись и комментировались, это признание ошибок советские историки как бы забыли.

Хотя на первом этапе воздействие культа Сталина на историографию было определяющим, практические нужды страны и ее вооруженных сил требовали изучения и обобщения опыта войны, его распространения среди войск с целью повышения их боеспособности и совершенствования организации.

Для ведения работы по сбору и накоплению материалов по истории Великой Отечественной войны в трудной обстановке 1941-1942 гг. были созданы первые научные организации. В ноябре 1941 г. в Москве появилась комиссия Академии наук СССР по составлению хроники войны. В армии и на флоте, в республиках/краях и областях, а также в наркоматах и других центральных учреждениях были созданы комиссии для сбора материалов по истории войны. Учитывая большое научное и политическое значение военной тематики, Президиум АН СССР в декабре 1943 г. учредил при Институте истории СССР военно-исторический сектор. Весной 1942г. специальные органы для изучения и обобщения опыта войны появились в Генеральном штабе, Главном политическом управлении, штабах видов вооруженных сил и родов войск. С 1942 г. по закрытым военным каналам с грифом "секретно" стали публиковаться отдельные, преимущественно документальные материалы. Они выпускались Военным издательством в виде сборников документов, сборников тактических примеров, информационных бюллетеней. В течение 1942-1945 гг. вышло свыше 400 сборников тактических примеров, 20 сборников материалов по изучению опыта войны и 50 информационных бюллетеней (8). Все они были секретными и доступ к ним в военную пору имел весьма ограниченный круг лиц из числа командного состава высшего и среднего звена. В них рассматривался опыт наступательных и оборонительных операций, излагались формы и методы боевого применения видов вооруженных сил, родов войск и служб.

Важную роль в освещении событий Великой Отечественной войны играла в военные годы советская периодическая печать. Газеты не только оперативно

освещали положение на фронтах и рассказывали о героизме и могуществе советских воинов, но и помещали материалы о боевом мастерстве и приемах действий отдельных военнослужащих и мелких воинских подразделений. В несколько больших масштабах разбирался ход боев и сражений с точки зрения военного искусства в статьях таких журналов как "Военная мысль" и "Морской сборник".

Начиная с 1943 г. небольшими тиражами в Военном издательстве стали публиковаться секретные оперативно-тактические, оперативные и оперативно-стратегические очерки об отдельных операциях и битвах (9). Разрабатывались они специалистами военно-исторического отдела Генерального штаба.

Публикуемая в годы войны историческая литература носила в основном оперативный, публицистический характер. Она обобщала значительный фактический материал, но ее источниковедческая база была очень ограничена, что сказывалось отрицательно на глубине исследований. Но уже на том этапе формировались концепции, закладывались военно-политические, экономические и общеоисторические оценки. Их основой служили выступления и приказы Сталина.

С окончанием войны объем исторической литературы о Великой Отечественной войне увеличился. Это были главным образом книги и статьи об отдельных операциях и битвах, прежде всего о Московской и Сталинградской (10). Небольшими тиражами стали выходить в свет монографические работы и публиковаться статьи о партизанском движении в тылу врага. В основном они представляли собой сборники документов и материалов, подготовленных в тех областях, которые подвергались фашистской оккупации (11). Были также опубликованы сборники документов и материалов, дававшие возможность проследить некоторые этапы экономической жизни Советского Союза в годы войны, а также состояние народного хозяйства отдельных республик и областей (12). Появилось в эти годы и несколько обобщающих трудов о Великой Отечественной войне, освещавших проблемы вооруженной борьбы, функционирование военной экономики, самоотверженность тружеников тыла (13).

В целом историческая литература о Великой Отечественной войне, опубликованная в 1946-1956 гг., носила преимущественно научно-популярный характер и не давала ответ на многие коренные вопросы минувшей войны. Как и в военное время негативное влияние на нее оказывал культ Сталина. Для публикуемых работ были характерны субъективистские оценки событий и явлений войны, метод комментирования и цитатничества, иллюстративность изложения. Многие события замалчивались или искажались. Исследования не имели необходимой источниковой опоры, невелика была научная ценность

публиковавшихся документов и материалов. Они, как правило, использовались для иллюстрации господствовавших в историографии схем и положений. В издававшихся документальных сборниках наблюдалось значительное дублирование материала. Очень слабо использовались документы противника, попавшие к нам в качестве трофеев. Многие из них лежали в архивах неразобранными, мемуарная литература была малочисленной и ограничивалась в основном воспоминаниями руководителей партизанских отрядов и подпольных организаций, действовавших на оккупированной территории СССР.

Воздействие культа Сталина сказалось даже на закрытых публикациях по истории советско-германской войны, которые до 1956 г. были подготовлены военно-историческим управлением генерального штаба, военно-историческим отделом штаба ВМФ и историками ВВС. Разработанные этими учреждениями краткие очерки об отдельных битвах и операциях Великой Отечественной войны носили описательный характер, страдали субъективными оценками и выводами. Главная и решающая роль в планировании, подготовке и руководстве крупнейшими операциями советских войск в великой Отечественной войне всегда отводилась Верховному Главнокомандующему. Причем рассматривались только операции, успешно завершившиеся для Советской Армии, игнорировались недостатки и промахи, имевшиеся при подготовке и проведении освещаемых операций, не обогащалась теория военного искусства новыми научными положениями.

С осуждения в 1956 г. на XX съезде КПСС культа Сталина в советской историографии наступил новый, второй этап. Он продолжался до смещения Н.С.Хрущева в 1964 г. с поста руководителя партии и правительства. Это была "оттепель" не только в политике, но и в истории. Историкам и публицистам была предоставлена возможность критиковать ошибки Сталина, допущенные накануне и в ходе войны, в какой-то мере высказывать собственные мнения, началась более углубленная, комплексная разработка истории Великой Отечественной войны, произошли заметные количественные и качественные сдвиги в организации научной работы в центре и на местах, значительно расширилась источниковая база, более всесторонним стало изучение первоисточников, возрос опыт исследовательских кадров. На этом этапе были созданы фундаментальные обобщающие труды по истории войны в целом и по различным ее аспектам, стала широко публиковаться мемуарная литература, в которой проявлялась не только линия КПСС, но и личное отношение авторов - участников войны к освещаемым событиям.

Наиболее крупным и определяющим для этого этапа явился шеститомный труд "История Великой Отечественной войны Советского Союза

1941-1945 гг.", опубликованный в 1969-1965 гг. (14). Его подготовка и издание осуществлялись в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 12 сентября 1957 г. Для разработки труда в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС был создан специальный отдел истории Великой Отечественной войны. Научные сотрудники отдела получили доступ в большинство советских архивов. Из центральных, местных и ведомственных архивов ими было извлечено большое количество документов и материалов, составивших затем фонд отдела, на который делались ссылки авторами труда.

По сравнению с ранее публиковавшимися работами по истории Великой Отечественной войны источниковая база шеститомного труда расширилась неимоверно. Много документов и архивных материалов было введено в научный оборот впервые. Огромное количество фактического материала, содержащееся в шеститомнике, стало неоценимым источником для последующих исследователей, работающих над проблемами истории минувшей войны.

Создавая шеститомник, авторы привлекли также материалы исследований, которые выходили во время войны и сразу после нее с грифом "секретно" и "для служебного пользования". Среди них были труды Генерального штаба, а также другие закрытые монографии и сборники, содержавшие описание важнейших битв и операций. Слабой стороной этих служебных трудов, не говоря уже о концептуальной неразработанности, было то, что в них отсутствовал достоверный статистический материал (о соотношении сил, о людских потерях в боях и операциях). Были в них и серьезные пробелы и конъюнктурные замалчивания в исследовании летних кампаний 1941 и 1942 гг., а также неудачных операций в других кампаниях.

Использование новых архивных материалов и закрытых публикаций прежних лет позволило авторскому коллективу и редакции шеститомного труда : уточнить оценку ряда событий Великой Отечественной войны, а по некоторым из них дать более глубокий анализ, осветить их более правильно. Но делалось это по направлениям, заранее определенным "сверху". Разработчики труда основывались на принятом в июне 1956 г. постановлении ЦК КПСС "О преодолении культа личности и его последствий" и основные усилия прилагали к тому, чтобы прежде всего раскрыть решающую роль народных масс в войне и гигантскую организующую и руководящую деятельность Коммунистической партии по мобилизации народных масс на борьбу с врагом.

В шеститомнике сделан крупный шаг в осмыслении первого, наиболее трудного периода Великой Отечественной войны. Во втором томе, посвященном этому периоду, убедительно раскрыт титанический подвиг советского народа на фронте и в тылу. Сталин, единолично принимавший решения по важнейшим государственным и военным вопросам, отмечается в работе, накануне войны

допустил крупный просчет в оценке военно-политической обстановки. Он считал, что Германия не решится в ближайшее время нарушить заключенный пакт о ненападении (15). Этот глубоко ошибочный вывод, указывается в том, отрицательно повлиял на подготовку страны к отражению агрессии. Велика была вина в наших поражениях в начале войны и руководителей Наркомата обороны и Генерального штаба. Они также плохо разобрались в обстановке и не приняли тех мер, которые бы повышали степень готовности к войне, к отражению ударов противника. Не был обойден в шеститомнике и вопрос о влиянии сталинских репрессий на обороноспособность страны. В шестом томе, например, говорится, что "с мая 1937 г. по сентябрь 1938 г. подверглись репрессиям около половины командиров полков, почти все командиры бригад и дивизий, все командиры корпусов и командующие войсками военных округов, члены военных советов и начальники политических управлений округов, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около трети комиссаров полков, многие преподаватели высших и средних военных учебных заведений". Далее указывалось, что именно репрессии являлись одной из "существенных причин неудач Красной Армии в первый период войны" (16). Хотя о репрессиях в труде сказано слишком общо, но для середины 60-х годов подобные признания были нетипичны.

В отличие от большинства имевшихся ранее описаний Великой Отечественной войны в шеститомном издании военные действия показаны в единстве с развитием военной экономики, героической работой тружеников тыла, борьбой советских людей в тылу врага, антифашистской борьбой народов Европы и Азии, внешней политикой СССР, с оценкой политических отношений внутри антигитлеровской коалиции и внутри фашистского стока. В труде впервые комплексно рассмотрены военно-экономические возможности и укрепление обороноспособности СССР накануне войны, перестройка народного хозяйства на военный лад и итоги его развития в годы войны, показана картина огромного нового строительства и восстановления индустрии, разрушенной врагом. Вместе с тем в шеститомнике не удалось избежать тенденциозности и существенных огрехов субъективного характера по целому ряду вопросов.

Торопясь как можно быстрее подготовить и издать этот капитальный труд, редакция не предприняла необходимых усилий, чтобы ликвидировать многие "белые пятна", которые были в опубликованных ранее работах о войне. К ним, в частности, относятся: ряд событий начала войны, неудачные операции других периодов и многие ошибки стратегического руководства.

Авторы шеститомной истории войны справедливо критикуют культ личности, указывают на ошибки, допущенные Сталиным при подготовке страны и

вооруженных сил к обороне и в руководстве войсками в годы войны. Его ошибками, например, объясняется тяжелое поражение наших войск под Киевом в 1941 г., недостаточно согласованное развертывание зимой 1941/42 г, стратегического наступления на всех важнейших направлениях, катастрофа под Харьковом весной 1942 г., резкое замедление темпов роста производства некоторых ведущих отраслей промышленности непосредственно перед войной (17). Поступая подобным образом, авторы труда пытаются противопоставить Сталина партии. Они настойчиво проводят мысль, что ошибки, неправильные методы руководства были присущи лишь одному Сталину, а партия всегда действовала правильно, безупречно. Однако такое противопоставление противоречит действительности. Сталин и партия были неразрывно связаны. Культ личности порождался той системой, которая была установлена партией в стране. Последующие события подтвердили это. На смену культу Сталина пришел культ Хрущева, данная тенденция нашла отражение и в шеститомной истории войны. В ней принижалась роль Ставки Верховного Главнокомандования и преувеличивалась роль фронтового командования, особенно тех фронтов, членом военного совета которых был Хрущев. Достаточно сказать, что в третьем томе шеститомной истории войны член военного совета фронта Хрущев упоминается 41 раз, а Верховный Главнокомандующий Сталин только 27 раз (18). Эта тенденция проявилась и в других работах о войне, опубликованных до середины 60-х годов (19).

Тенденциозность шеститомника отразилась и в отношении его редакторов к раскрытию роли Г.К.Жукова в войне. Они боялись нелепо наклеенного на выдающегося советского полководца ярлыка "бонапартиста". Так, в первом томе труда Жуков, который тогда был начальником Генерального штаба, не упомянут ни разу, но зато начальник германского генерального штаба сухопутных войск Ф.Гальдер фигурирует 12 раз. Более чем сдержанное отношение к Жукову наблюдается и в материалах других томов.

В целом на втором этапе произошло заметное оживление исследований о Великой Отечественной войне. Этому способствовало и возобновление в 1959 г. издания "Военно-исторического журнала", в котором тематика советско-германской войны стала занимать ведущее место. Большую исследовательскую работу проводили историки военно-исторического управления Генерального штаба и ряда военных академий. Ими было подготовлено и опубликовано немало работ, раскрывающих ход вооруженной борьбы и развитие советского военного искусства (20).

В 1964 г. вышла капитальная работа, исследовавшая все этапы обороны Ленинграда (21). Написанная на основе архивных материалов, книга отличается стремлением авторов к анализу событий, широтой охвата боевых действий на

северо-западном направлении во взаимосвязи с ходом вооруженной борьбы на других фронтах. Авторы аргументированно показали положительные и отрицательные стороны боев под Ленинградом. В книге также рассмотрены действия начальников и рядовых воинов, вклад в оборону Ленинграда трудящихся осажденного города и партизан.

В гораздо более широких масштабах, чем раньше, на втором этапе стали публиковаться документы и материалы о борьбе советского народа в тылу фашистских оккупантов. Сборники таких материалов вышли почти во всех республиках и областях, подвергшихся нашествию противника (22). Если значительную часть ранее изданных сборников составляли листовки и материалы прессы военных лет, то в новые сборники в основном стали включаться документы партийных органов, штабов партизанского движения, партизанских отрядов и соединений.

Второй этап ознаменовался также выходом ряда значительных публикаций по вопросам истории советского тыла в годы войны (23). В них раскрывались закономерности развития военной экономики СССР, функционирование ее отдельных отраслей и регионов, истоки самоотверженности и героизма тружеников тыла, деятельность местных партийных организаций и органов власти. Однако специальных обобщающих трудов о советском тыле разработано не было.

Популярными на втором этапе стали военные мемуары. Их фонд в эти годы пополнился примерно 500 новыми книгами, что в пять раз больше, чем в предшествовавшие десять лет. Публиковались в основном воспоминания советских военачальников, в первую очередь командующих и членов военных советов армий и фронтов (24).

Оживлению и некоторым идеологическим послаблениям в советской исторической науке, связанным с критикой культа Сталина, постепенно пришел конец после смещения в 1964 г. Н.С.Хрущева и прихода к руководству КПСС Л.И.Брежнева. Критика партией субъективистского и волюнтаристского подходов к оценкам исторического прошлого привела к изменению акцентов в освещении событий Великой Отечественной войны. Начался следующий, третий этап советской историографии, продолжавшийся более двух десятилетий. Для него стал характерен возврат к ряду положений, которые были свойственны первому этапу. Критика культа Сталина стала более мягкой. Писали не только о допущенных им ошибках, но и о заслугах. Происходила своеобразная реабилитация сталинизма. Контроль за публикуемой военно-исторической литературой со стороны ЦК КПСС стал более строгим. Оттепель постепенно сменялась новым похолоданием.

Действия идеологических партийных органов свидетельствовали, что властным структурам не нужен был открытый непредвзятый разговор о наиболее острых вопросах Великой Отечественной войны, таких, как просчеты Советского Главного командования, реальные потери Красной Армии и т.п. При разработке новых трудов, затрагивающих такие вопросы, исследователи были обязаны строго придерживаться концепций, одобренных и санкционированных идеологическим аппаратом ЦК КПСС. Как только в каких-либо работах по истории войны появлялись упоминания о негативных моментах, имевших у нас место во время войны, сверху без промедления следовало указание о наложении на данную работу ограничения в виде грифа "секретно" или же организовывалось официальное осуждение данного труда в открытой печати. Весьма характерным событием в этом отношении была идеологическая расправа с научным сотрудником института истории АН СССР А.М.Некричем во второй половине 60-х годов.

Началось с того, что в 1965 г. издательство "Наука" без предварительного согласования с высокими идеологическими инстанциями опубликовало книгу А.М.Некрича "1941:22 июня" (25). В ней раскрывались многие отрицательные моменты и просчеты, допущенные высшим руководством Советского Союза накануне Великой Отечественной войны и в ее начальный период. В прежних работах, касающихся данного периода, такие факты не упоминались. Это был довольно смелый шаг автора и издательства, на который они пошли из наилучших побуждений - говорить правду о войне, не приукрашивать того, что было. На книгу в январе 1966 г. журнал "Новый мир" поместил положительную рецензию, отметив ее объективность (26). Однако такая оценка не соответствовала установкам идеологического аппарата ЦК КПСС, не желавшего выносить сор из избы и выставлять на показ промахи высшего партийного и государственного руководства. По указанию свыше в 1966 г. было проведено обсуждение книги Некрича в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Но в ходе обсуждения, наряду с резкой критикой автора книги за ошибочность методологии и отход от коммунистической партийности исследования большинством выступающих, нашлись и такие историки, которые дали некоторым фактам начального периода войны еще более суровую оценку, чем это сделал Некрич. Такие результаты обсуждения оказались для его организаторов неожиданными. Тогда по указанию ЦК КПСС сотрудниками Института марксизма-ленинизма была подготовлена на книгу Некрича разгромная рецензия, которая была опубликована в 1967 г. в журнале "Вопросы истории КПСС" (27).

В рецензии книга оценивалась как политически вредная, оказавшаяся находкой для идеологов империализма. Автор обвинялся в измене принципам марксистской историографии, проявлении беспринципности в отборе и оценке

фактического материала, стремлении односторонне и преувеличенно подчеркивать недостатки, ошибки и упущения, рассмотрении военных неудач первых месяцев войны в отрыве от последующего хода вооруженной борьбы и во многих других методологических промахах, что якобы привело к искажению подлинной картины описываемых событий. Заодно в рецензии был резко осужден журнал "Новый мир", давший положительную оценку книге Некрича.

Справедливые оценки фактов и событий начала Великой Отечественной войны, которые были высказаны в ходе обсуждения книги Некрича в Институте марксизма-ленинизма, дорого стоили и некоторым ученым-историкам, не пошедшим на сделку с совестью. Одним из таких ученых оказался полковник В.А.Анфилов, в то время старший преподаватель Военной академии Генерального штаба, автор первого в отечественной историографии открытого труда о начальном периоде войны (28). Выступая в дискуссии по книге Некрича, он подчеркнул, что если бы советские войска были своевременно приведены в боевую готовность, что целиком зависело от Сталина, то они не потерпели бы такого сокрушительного поражения в начале войны, как это случилось, и война не была бы столь длительной, а цена победы - столь высокой. Кроме того, он дал резкую, но справедливую оценку К.Е.Ворошилову и ряду других советских военных деятелей того периода, виновных во многих упущениях и просчетах начального периода войны.

Наказание за такое смелое и соответствовавшее истине выступление последовало незамедлительно. Выступивший был сразу же обвинен в политической незрелости. Руководство Министерства обороны, особенно Главного политического управления, сделало все возможное, чтобы изгнать В.А.Анфилова из академии и армии и, приклеив ему ярлык "антисоветчика", воспрепятствовать участию в дальнейшей разработке трудов по истории Великой Отечественной войны.

Подобные случаи наказания ученых-историков за отход от принятых идеологических стереотипов были, к сожалению, не единичными. И все же, несмотря на то, что в те годы оценка достоинств и недостатков исторических исследований по-прежнему определялась идеологическим аппаратом ЦК КПСС, разработка новых трудов по истории советско-германской войны продолжалась во все возрастающих масштабах.

Наиболее влиятельным и типичным для данного этапа трудом явилась двенадцатитомная "История второй мировой войны 1939-1945", разработка которой велась в соответствии с постановлением

ЦК КПСС созданным в 1966 г. Институтом военной истории Министерства обороны СССР совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и институтами истории СССР и всеобщей истории АН СССР (29). В этом труде наглядно отразились

и достижения, и недостатки советской историографии Великой Отечественной войны на третьем ее этапе. Для написания труда были привлечены лучшие научные силы из числа военных историков, экономистов, философов и представителей многих военных специальностей. В результате всестороннего обсуждения редакциями томов были разработаны концепции по таким важным вопросам, как периодизация второй мировой войны, политический характер войны, начальный период Великой Отечественной войны, срыв германского плана молниеносной войны, коренной перелом в ходе войны и др. В двенадцатитомнике были раскрыты различные стороны и процессы, особенности и характерные черты войны, ее предыстория, ход и исход, итоги, последствия и уроки, их значение для современности. Этот труд стал первым фундаментальным обобщением истории второй мировой войны не только в советской, но и мировой историографии. Он был переведен и опубликован во многих странах.

Но, к сожалению, двенадцатитомник не избежал прежней тенденциозности советской историографии, а в некоторых отношениях сделал даже шаг назад по сравнению с шеститомной историей Великой Отечественной войны. Прежде всего в новом труде проявились амбиции нового руководства КПСС. К числу главных решающих событий войны в этом труде отнесены битва за Кавказ и неудавшийся морской десант под Новороссийском только потому, что в них участвовал Л.И.Брежнев. Снова проявилась тенденция к созданию нового культа. Бывший начальник политотдела одной из армий, а таких во время войны были многие десятки, стал преподноситься как личность, чуть ли решившая судьбу войны. В угоду новому культу Главной редакционной комиссией труда, которую возглавлял министр обороны СССР А.А.Гречко, было решено битве за Кавказ посвятить отдельный том. В связи с этим вместо ранее планировавшихся 10 томов решили подготовить 12 томов. Инициаторы этой затеи получили затем ленинские и государственные премии. В числе награжденных были и те лица из аппарата ЦК КПСС, которые курировали этот труд.

В двенадцатитомной истории минувшей войны оказалось много умолчаний и сокрытий, больше, чем в работах этапа "оттепели". Авторы в духе официальных установок того времени отказались от показа отрицательной роли сталинщины в предвоенное время и в ходе войны. Оценки ряда кардинальных событий давались в духе установок периода культа личности. В том числе и пакт о ненападении с Германией трактовался только как безусловное достижение Советского Союза.

Авторы двенадцатитомного труда смягчили негативное воздействие сталинских репрессий на боеспособность Вооруженных сил СССР. Они стали избегать даже самого слова "репрессии", заменяя его другим - "обвинения", звучащим более нейтрально. Например, во втором томе написано, что

в "1937-1938 гг. вследствие необоснованных обвинений из армии было уволено значительное количество командиров и политработников" (30). Далее указывается, что жалобы уволенных якобы были рассмотрены и ошибки в значительной степени исправлены. В томе нет и намека на уничтожение тысяч командиров, гибель многих полководцев. Смысл предвоенных событий подан так, что даже тяжчайшие преступления выглядят невинными ошибками. Немало усердия было проявлено и для того, чтобы "очистить" новый труд от других критических сюжетов. Если в шеститомной истории войны многие ошибки Сталина, руководителей Наркомата обороны и Генерального штаба подвергались хоть какой-то критике, то в двенадцатитомном издании подобные критические замечания уже отсутствовали.

Несмотря на действовавшие идеологические ограничения, разработка проблем истории Великой Отечественной войны на третьем этапе продолжалась. Выходило много работ, которые в той или иной степени расширяли и углубляли знания о событиях войны. Появились новые книги о различных аспектах битвы под Москвой. В их числе были сборники документов и статей, коллективные труды, монографии о действиях под Москвой авиации, достижениях советского военного искусства, о московском ополчении и героизме защитников столицы (31). Фундаментальным исследованием битвы под Москвой явилась монография Д.З.Муриева (32). Автор осветил эту битву как сумму взаимосвязанных сражений групп фронтов, которые привели к повороту не только в ходе Великой Отечественной, но и всей второй мировой войны. В монографии приведены новые цифровые данные, сделан ряд принципиальных фактических уточнений.

Новыми работами пополнилась историография Сталинградской битвы (33). Был опубликован ряд солидных монографий о Курской битве (34). В них обстоятельно воссоздана картина сражений под Курском, введен в научный оборот широкий круг документов и новых статистических данных, раскрыты особенности военного искусства советских войск в этой битве.

В конце 60-х и в 70-е годы в СССР было опубликовано немало трудов о действиях Советских Вооруженных Сил на заключительном этапе войны, их участии в освобождении от фашизма стран Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы (35). В подготовке таких трудов вместе с историками участвовали некоторые видные советские военачальники, которым предоставлялся более широкий доступ к важным архивным документам, а это способствовало повышению научного уровня трудов. В 1971 г. вышла в свет коллективная монография, в которой была всесторонне рассмотрена освободительная миссия Советских Вооруженных Сил (36). В ней имеется много обобщенных данных о характере действий советских войск после выхода на

территорию других государств, об их численности и потерях, об отношениях между освобожденными народами и советскими войсками.

Значительное место на третьем этапе заняли работы о действиях Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке в войне против милитаристской Японии (37). В них детально освещены размах, темпы и значение операций советских дальневосточных фронтов в разгроме противостоявшей им японской группировки войск, в оказании помощи народам Китая, Кореи и других стран Юго-Восточной Азии в освобождении от японских оккупантов. На новых фактах объяснялись причины вступления СССР в войну против Японии, приводились данные о количестве и боеспособности советских войск, сосредоточенных на Дальнем Востоке, раскрывались источники блестящего успеха советской стороны.

Происходило пополнение советской историографии работами, освещающими опыт использования и роль видов вооруженных сил и родов войск как в войне в целом, так и в отдельных битвах и операциях (38). Это были книги об авиации, военно-морском флоте, танковых, инженерных и внутренних войсках, артиллерии, функционировании войскового тыла и др.

Большое распространение в 70-е годы получила публикация описаний на основе архивных материалов лицами, участвовавшими в войне в составе этих объединений. В описании боевых путей авторам активно помогали советы ветеранов соответствующих объединений и входивших в их состав соединений и частей. В таких работах широко использовались воспоминания участников войны, их личные документы, особенно фотографии.

Конец 60-х, 70-е и начало 80-х годов стали временем непомерного возвеличивания в трудах по истории войны боевых заслуг лиц, оказавшихся на этом этапе на высших партийных, государственных и военных постах. Тогда же большое распространение получила практика включения в число авторов трудов по проблемам истории Великой Отечественной войны руководящих лиц из военного ведомства, военных академий и военно-исследовательских учреждений, а также высокопоставленных деятелей из партийного и государственного аппарата, хотя на самом деле они не принимали по-настоящему участия в написании этих трудов.

Началось с публикации мемуаров А.А.Гречко, бывшего в то время министром обороны (40). Военные архивы и ряд военных учреждений и академий получили от министра задание отобрать все необходимые для мемуаров документы и материалы, обработать и обобщить их, подготовить сводные данные по проблемам военного искусства. Они затем поступали в распоряжение небольшой специальной группы при министре, созданной из лиц, имеющих опыт журналистской и литературной работы. Эти лица обрабатывали

поступающий материал и писали текст мемуаров. За это министр назначил их на высокооплачиваемые военные должности и предоставил им ряд материальных благ в виде просторных благоустроенных квартир в центре столицы, персональных служебных машин и т.п. По словам одного из лиц, участвовавших в написании мемуаров А.А.Гречко, министр даже не все написанное прочитывал, ограничиваясь только подписью перед направлением рукописи в военное издательство, где ее тщательно редактировали.

Во второй половине 70-х годов вышла огромными тиражами напумевшая брошюра "Малая земля", автором которой значился Л.И.Брежнев, в то время Генеральный секретарь ЦК КПСС (41). Брошюра была написана специально назначенными литераторами. Сам Генеральный секретарь в ее написании не участвовал, но откровенному угодничеству не противился.

Подобное ненормальное положение в советской историографии к концу брежневского, застойного этапа наблюдалось во все более широких масштабах. Советские руководящие деятели тех лет стремились еще при жизни прославить себя якобы написанными ими трудами и таким образом еще при жизни оставить след в истории. Находилось немало угодников и подхалимов, которые всячески этому способствовали. Большими тиражами издавались работы, превозносившие участие в войне лиц, занявших высокие руководящие посты в 70-е годы. К числу таких работ принадлежит и книга о боевом пути 18-й армии (42), которой одно время командовал А.А. Гречко, а начальником политотдела был Л. И. Брежнев. Восхваление этих руководителей было главной целью подготовленной книги. Авторы и кураторы надеялись получить за книгу высокие награды и премии. Однако их надежды не успели осуществиться, так как смерть Л.И.Брежнева привела к изменению обстановки в стране. Начались изменения и в отечественной историографии. Постепенно наступал ее новый период. На смену советской историографии пришла постсоветская.

Историография 1985-1990 гг.

В середине 1980-х годов, с начала периода демократизации общественной жизни в нашей стране, периода гласности, произошел коренной перелом в советской историографии Великой Отечественной войны, радикальное обновление проблематики исследований. Было покончено с идеологическим кураторством над исторической наукой со стороны КПСС, была отменена цензура. Появилась возможность свободно выражать свои взгляды на любые исторические проблемы, в том числе и на проблемы истории Великой Отечественной войны.

Положительным явлением стало открытие многих ранее секретных фондов в архивах, активная публикация документов в журналах и специальных изданиях (43). К большому удовлетворению исследователей

были, к примеру, опубликованы секретные документы, свидетельствующие об отношениях между СССР и Германией в 1939-1941 гг. (44), полный текст приказа наркома СССР от 28 июля 1942 г., известный под названием "Ни шагу назад!" (45).

Хотя и в меньшем количестве, но продолжался выпуск монографий, сборников статей, тематических сборников по истории Великой Отечественной войны.

Появился ряд работ, в которых рассматриваются проблемы начального периода войны (46). Продолжалось издание книг, посвященных отдельным битвам (47), боевому пути некоторых объединений и соединений (48), формированию и боевым действиям частей народного ополчения (49). Несколько работ было посвящено действиям видов и родов войск, проблемам тыла Вооруженных Сил (50). Активно освещалась борьба советских людей в тылу врага (51).

Продолжалось издание военных мемуаров, переиздавались воспоминания крупных полководцев и военачальников (52). Появилось несколько изданий, авторами которых стали известные руководители оборонных отраслей промышленности (53). В ряде вышедших работ освещается вклад советских ученых в создание вооружения и военной техники (54).

Постепенно приоткрывалась завеса над многими "белыми пятнами". В их числе: тайные пружины механизма советско-германских переговоров в предвоенные годы, объективные и субъективные причины поражения Красной Армии в начальном периоде войны, цена победы советского народа над фашистской Германией, проблема советских военнопленных, история 2-й ударной армии, деятельность ГКО и Ставки Верховного Главнокомандования и многие другие. Тематика публикаций стала разнообразней, интересней для читателя. К сожалению, тиражи изданий литературы о Великой Отечественной войне стали настолько малыми, что они не доходят до массового читателя. Есть и другие недостатки в историографии Великой Отечественной войны нового периода: одни из них носят преемственный характер, таких, наверное, большинство, другие - тесно связаны с теми процессами, которые происходят в нашем обществе.

В первые годы перестроечных процессов в обществе многие историки-профессионалы под мощным прессом радикализма в информационной и издательской политике, похоже, растерялись, меньше стали заниматься исследованиями, подготовкой материалов к публикации. На смену им пришли и приходят, порой, дилетанты, не желающие, а подчас и неспособные, заниматься

кропотливой исследовательской работой, готовые в угоду политической конъюнктуре публиковать материалы, однобоко освещающие факты и события истории.

Как результат названной и других тенденций преобладают издания публицистического характера, мало появляется новых фундаментальных, научных изданий по истории второй мировой войны. Это характерно особенно для периода, начавшегося после распада СССР. В газетных и журнальных публикациях присутствует множество упрощений, умолчаний, искажений, фактических ошибок. Отдельные авторы приобрели популярность в общественном мнении стремлением освещать в основном негативные моменты истории войны.

Четко обозначилась тенденция огульного охаивания советской историографии Великой Отечественной войны, неуважительного, а порой и пренебрежительного отношения к трудам историков предшествующих поколений. С этой тенденцией тесно уживается другая: фетишизация западной историографии. В других странах (ФРГ, Англия, США) есть, разумеется, немало серьезных, высокопрофессиональных историков, и их труды желательно издавать в России, но и там на ниве истории подвизаются нередко люди, в той или иной степени подверженные политической конъюнктуре.

По-прежнему появляются работы, не вызывающие интереса у читателя. В этих изданиях много длиннот, повторов, описаний общеизвестных фактов. В других изданиях, наоборот, авторы, дабы завоевать читателя, идут на подлоги, выдумки, выпячивание всего отрицательного в нашей истории.

Проиллюстрируем перечисленные особенности новейшей отечественной историографии Великой Отечественной войны на ряде примеров.

Большое внимание историки в последние годы стали уделять освещению предвоенного периода и, в частности, советско-германским отношениям. Появились интересные работы по этой сложной и острой проблеме (55). В них в результате всестороннего подхода даются основательные объективные, на наш взгляд, оценочные положения и выводы. Но в то же время в публикациях бытуют резко отрицательные суждения о политике руководства СССР по отношению к Германии в предвоенные годы.

При оценке советско-германского договора о ненападении, подписанного в августе 1939 года, и связанных с ним других соглашений, нередко смешиваются две проблемы: что этот договор дал СССР с точки зрения выигрыша времени, стратегического пространства и насколько эффективно эти потенциальные возможности были реализованы на практике.

"Сталин, - безапелляционно утверждает доктор исторических наук Н.Г. Павленко, - сорвал возможность заключения союзного договора с

западными державами перед войной" (56). Доктор исторических наук М.И. Семиряга назвал одну из своих статей "Сговор двух диктаторов". "Сталинский режим, - говорится в статье, - в политическом, да и в моральном плане был больше подготовлен к сговору именно с Гитлером" (57). А как же оценивать Мюнхенское соглашение (для автора он не сговор)? И как оценивать тот факт, что Англия и Франция раньше Советского Союза заключили с Германией договоры о ненападении (англо-германская декларация была подписана 30 сентября 1938 г. в Мюнхене, а германо-французская декларация - 6 декабря 1938 г.). М.И. Семиряга очень деликатно отмечает, что "англофранцузские партнеры не проявляли активной и должной заинтересованности в заключении военного соглашения с Советским Союзом" (58).

У советского руководства было серьезное и, на наш взгляд, вполне оправданное опасение того, что Англия и Франция совместно с Германией образуют антисоветский фронт. Мнения на этот счет у исследователей различаются. М.И. Семиряга считает, "что в центре европейской и в конечном счете мировой политики в то время все же стояли не противоречия между капитализмом и социализмом, а империалистические противоречия между англо-французским блоком и Германией. Острота и непримиримость этих противоречий сделала маловероятной возможность создания единого антисоветского фронта" (59). Невольно возникает вопрос: как взвесить на весах истории эту "маловероятную возможность"? Другого мнения придерживаются доктор исторических наук А.Н. Мерцалов и Л.А. Мерцалова: "Среди актуальных проблем - была ли опасность возникновения на мюнхенской основе единого антисоветского империалистического блока четырех держав, участниц соглашения. Для некоторых из советских историков этой проблемы не существует. На наш взгляд, эта проблема вообще не нужна" (60).

Как уже отмечалось, в печати были опубликованы секретные документы, вытекающие из договора о ненападении между СССР и Германией, в том числе "Доверительный протокол" и два Секретных дополнительных протокола от 28 сентября 1939 г. Во вступительной статье М.И. Семиряга объявил "приговор" "Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом": "...почти каждая из статей этого пакта противоречила принципам международного права и наносила серьезный ущерб государственным интересам Советского Союза" (61). Можно сказать, что этой публикацией документов и комментариями историка было завершено создание своеобразного "историко-нигилистического фона" (62) для оценки внешней политики сталинского руководства в предвоенные годы. Думается, такой фон вряд ли будет способствовать дальнейшему • исследованию сложных исторических проблем.

Рассмотрим еще одну проблему историографии: о причинах тяжелых поражений Красной Армии в начале войны.

Раньше в советской историографии эти причины в основном сводились к объективным факторам: превосходству Германии в военно-экономическом отношении над СССР, вероломству гитлеровского руководства, нарушившего договор о ненападении и внезапно напавшего на Советский Союз, от мобилизованности германских войск, накопивших большой опыт боевых действий. Причины субъективного характера, связанные с ошибками и просчетами советского руководства, отодвигались в тень, рассматривались упрощенно.

Ныне, как и в других случаях, произошла перестановка, говоря шахматным языком, рокировка: объективные факторы отодвинуты, и трагедия 41-го, в основном, объясняется ошибками руководства, просчетами Сталина. Снова возобладал одномерный подход в оценке трудной, сложнейшей проблемы. "На мой взгляд, - пишет А.Н. Мерцалов, - не было объективных причин наших неудач, были преступные просчеты Сталина, его политического и военного окружения" (63).

Разумеется, об ошибках и просчетах надо говорить. Но при этом надо учитывать, что для исторической науки проблема ошибок, просчетов тех или иных руководителей всегда была непростой. "Не является секретом, - пишет доктор исторических наук В.М. Кулиш, - что великие перемены в истории никогда не обходились без ошибок, что все войны полны ошибочных решений и действий сторон" (64). Можно было бы вспомнить ошибки американского правительства в войне с Японией, не говоря уж о стратегических просчетах Гитлера и его соратников. Были и у Сталина и просчеты, и ошибки, простительные и нет. "Война, - отмечал У. Черчилль, - это по существу список ошибок..." (65).

"Советская страна, - писал академик А.М. Самсонов, - накануне войны обладала объективными предпосылками для того, чтобы дать отпор любому агрессору" (66). С этим, наверное, можно согласиться, видя различия

в понятиях "объективные предпосылки" и "реальные конкретно-исторические возможности" СССР для успешного отражения агрессии в 1941 г.

Нам представляется, что взвешенная, близкая к истине оценка соотношения сил Германии и СССР накануне агрессии содержится в словах Г.К. Жукова: "Говоря о предвоенном периоде и о том, что определило наши неудачи в начале войны, нельзя сводить все только к персональным ошибкам Сталина или в какой-то мере к персональным ошибкам Тимошенко и Жукова.

Все это так. Ошибки были. Но надо помнить и некоторые объективные данные. Надо подумать и подсчитать, что представляли тогда собой мы и наша армия и Германия и ее армия. Насколько выше был ее военный потенциал,

уровень промышленности, уровень промышленной культуры, уровень общей подготовленности к войне.

После завоевания Европы немцы имели не только сильную, испытанную в боях, развернутую и находящуюся в полной боевой готовности армию, не только идеально налаженную работу штабов и отработанное буквально по часам взаимодействие пехоты, артиллерии и авиации. Немцы имели перед нами огромное преимущество в военнопromышленном потенциале... Словом, нельзя забывать, что мы вступили в войну, еще продолжая быть отсталой в промышленном отношении страной по сравнению с Германией" (67).

Поражение Красной Армии в начале войны было связано, если говорить конкретно, с тем, что западные приграничные округа оказались неготовыми к отражению вражеского нападения. Кандидат исторических наук В.Б. Своев объясняет это следующими причинами. Во-первых, одновременная реорганизация и перевооружение большинства объединений и соединений Красной Армии, предпринятые в условиях надвигающейся войны, неизбежно повлекли за собой временное снижение их общей боевой готовности, которое по времени совпало с началом войны. По плану реорганизация должна была закончиться в 1942г. Во-вторых, произошло опоздание со стратегическим развертыванием приграничных округов, а также задержка ввода в действие плана прикрытия, нечеткая и запоздалая постановка задач войскам в директиве, отданной наркомом обороны вечером 21 июня 1941 г. Третья причина заключается в том, что к началу войны не были отобилизованы и развернуты органы войскового и оперативного тыла, а низкие транспортные возможности тыловых частей предопределили неудовлетворительное тыловое обеспечение войск с первого же дня войны (68).

За последние годы усилился поток изданий, посвященных проблемам "сталинизм и война", "Сталин в годы войны". Из работ, посвященных И.В. Сталину, выделяется монография Д.А. Волкогонова "Триумф и трагедия". Одна из частей ее охватывает предвоенные годы и период Великой Отечественной войны. Автор ввел в научный оборот множество новых материалов, характеризующих И.В. Сталина как человека, деятельность возглавляемого им политического руководства страны.

Говоря о роли Сталина в Великой Отечественной войне, следует прежде всего подчеркнуть, что существует и, наверное, будет существовать широчайший разброс мнений о нем, как в отечественной, так и в мировой литературе. На флангах этого разброса находятся формулы: первая - победа - благодаря Сталину, его "полководческому гению"; вторая - победа - вопреки Сталину, если бы не Сталин, то мы победили бы "с меньшей кровью", и не в 1945 году,

а раньше, возможно, даже в 1942 г. Одни предлагают увековечить имя Сталина "в граните, бронзе, даже в золоте" (70). Другие считают, что изображение Сталина нужно убрать с медали (71).

Как всегда, край нести далеки от истины, хотя, наверное, и они способствуют ее поиску. Сталин - личность сложная, противоречивая, неординарная. Значит и изучение личности Сталина, эпохи, связанной с его именем, предполагает многомерные подходы, всесторонний анализ и обязательное следование принципу историзма.

Необходимо понимать и освещать атмосферу тех лет, видеть уровень общественного сознания и особенности психологии советских людей 40-х годов, а не подгонять их действия под современные оценки.

Конечно, нужно избегать досужих вымыслов, искажений. К примеру, многие годы из одного издания в другое переходит версия о том, что в первые дни войны Сталин бездействовал, никого не принимая. "В первую неделю войны, - пишет Н.Г. Павленко, - Сталин впал в прострацию..." (72). Версия живуча, хотя она была опровергнута (73).

Надо думать, что в первые дни войны Сталину было над чем поразмышлять. Этим можно и объяснить, но не оправдать, что он только 3 июля, то есть на 12-й день войны, выступил перед страной. Но в этот день, пишет итальянский историк Джузеппе Боффа, Сталин "произнес самую сильную из речей за свою долгую политическую карьеру" (74).

Аксиомой является признание вины Сталина за избиение военных кадров в 1937-1938 гг. Никто не оспаривает того, что кадровые чистки ослабили армию, что явилось одной из причин ее поражений в 1941 г. Очевидно и то, что неглубокое понимание военных вопросов в начале войны в сочетании с верой в свою непогрешимость, на фоне лести, желания многих окружающих угадать мнение Сталина, нанесли много вреда. Хотя, как свидетельствуют Г.К. Жуков, А.М. Василевский, И.С. Конев, И.В. Сталин в ходе войны стал гораздо лучше разбираться в вопросах военной стратегии и оперативного искусства (война учила всех; от рядового до Верховного) и, что еще важнее, в процессе принятия решения опирался на мнения командующих фронтами и руководителей экономики (75).

Нужно сказать и о том, что сосредоточение власти в руках Сталина, его огромная политическая воля, умение организовать и дисциплинировать людей, проявленные в годы войны, сыграли положительную роль. "В руководстве вооруженной борьбой, - писал Г.К. Жуков, - в целом

И.В. Сталину помогали его природный ум, опыт политического руководства, богатая интуиция, широкая осведомленность. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке

и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим" (76).

В воспоминаниях Г.К. Жукова немало содержится и критических высказываний в адрес Сталина. Но отдельные историки и публицисты, похоже, никак не могут простить полководцу его объективные положительные оценки Сталина как руководителя страны и Вооруженных Сил в годы войны. Например, для А.Н. и Л.А. Мерцаловых Г.К. Жуков - человек жестокий, "многие черты его характера отнюдь не благоприятствовали успеху дела", бонапартист. "Методика сочинителей мифа о "великом полководце Жукове", - пишут Мерцаловы, - весьма проста. Все негативное в деятельности маршала - от его ответственности за 1941 г. до грубых просчетов под Берлином - обходят молчанием, общие же достижения РККА приписывают одному Жукову ("выиграл войну" и т.п.)" (77).

Немало лживых и мерзких строк посвятил Г.К. Жукову и доктор филологических наук Б.В. Соколов в своей книге "Цена победы". Цитируем: "Грешил Жуков и общей для наших высших военных руководителей страстью брать крупные города к праздничным датам"; "Советские маршалы и генералы могли одерживать победы, лишь проливая целые реки солдатской крови"; "...Жуков при преодолении минных полей танки ценил гораздо больше, чем людей. Ни он, ни другие военные деятели не могли проявить себя как талантливые полководцы" и т.п. (78).

Нельзя не поставить вопроса в связи с нападками на Г.К. Жукова: какую цель преследуют при этом его хулители? Может быть, потому что Георгий Константинович является одной из немногих не разрушенных опор нашей Победы в Великой Отечественной войне, в целом нашей недавней истории. Тут есть над чем поразмышлять, но не в рамках данной статьи. В защиту полководца можно было привести множество авторитетных суждений, мы же сошлемся на одно из них. А.М. Самсонов, крупный военный историк, участник Великой Отечественной войны, писал: "Полководцев во второй мировой войне было много, выдающихся гораздо меньше, великим я назвал бы только маршала Г.К. Жукова" (79).

Многим публикациям присуще стремление дегероизировать Великую Отечественную войну. О патриотизме, массовом героизме и энтузиазме советских людей написано множество книг - документальных и художественных, поставлены сотни кинофильмов и театральных спектаклей. Многих героев знают всюду. Их имена носят улицы, школы, поселки.

Как ни печально об этом говорить, но кое-кто считал, что вроде бы и хватит писать и рассказывать о героизме. Делаются попытки противопоставить

подвиги "одиначек" и коллективный героизм, подвигу народа. А. Матросов "закрыв вражеский пулемет своим телом, -пишут А.Н. и Л.А.Мерцаловы, -хотя для того, чтобы заставить замолчать пулемет, нужно было всего лишь несколько пушечных выстрелов. Г. Куманев и некоторые другие историки в течение десятилетий выясняют число таких героев, не понимая, что в боевых действиях этого рода участвовали миллионы. Никто до сих пор не доказал, что подобные подвиги необходимы. Мотивы действий солдат, закрывших амбразуры вражеских дотов, тараны летчиков и танкистов должны быть исследованы. Пока же эти подвиги безумно воспевают" (80).

Читая эти строки, испытываешь какое-то неприятное чувство. Как же можно было написать их. А ведь один из авторов написанного - А.Н. Мерцалов -участник Великой Отечественной войны.

Нужно ли говорить о том, что подвиги самопожертвования во все времена сохранялись в народной памяти, о них слагали стихи, песни, о мотивах героизма написано немало философских, психологических трудов.

История Великой Отечественной войны хранит примеры героизма тысяч и тысяч советских воинов. Как установил за многие годы исследовательской работы А. Коваленко, за годы войны более 600 раз советские летчики таранили вражеские самолеты, более 500 экипажей повторили подвиг Н. Гастелло и его боевых товарищей. Исследователю удалось установить имена 470 воинов, повторивших подвиги политрука Александра Панкратова и рядового Александра Матросова(81).

Победа советского народа над фашистской Германией стоила ему огромных, невиданных в истории жертв. Война унесла около 27 млн. жизней советских людей. А кроме того, были миллионы раненых, контуженных, обмороженных. Советские люди гибли в боях, в своих домах от снарядов. Их расстреливали, вешали, травили собаками на оккупированной территории, в лагерях смерти. А сколько людей потеряли здоровье и стали инвалидами при эвакуации и бомбежках, от голода и эпидемий...

На наш взгляд, и в полемике историков, журналистов по проблеме "цена победы" присутствует наряду с разумным стремлением установить истину нездоровое желание поиграть цифрами, добытыми из сомнительных источников, и, порой, самостоятельными, умозрительными подсчетами. Этим особенно грешит автор уже названной выше книги "Цена победы".

Многие, разумеется, не все, не разрешенные в этой полемике вопросы бы-ли сняты с выходом в свет официального статистического исследования, осуществленного коллективом авторов под общей редакцией Г.Ф.Криво-шеева (82). Авторы в ходе исследования использовали множество да-ных, ранее хранившихся в секретных архивах.Следует подчеркнуть, что в труде

опубликованы данные о потерях Советских Вооруженных Сил за всю историю их существования. Особенно подробно освещаются потери армии и флота в годы Великой Отечественной войны.

В целом, если говорить о негативных тенденциях историографии Великой Отечественной войны, суть их сводится к тому, что многие авторы нарушают диалектику противоборства СССР и Германии, сводящуюся к двум определяющим вопросам: почему Красная Армия в начале войны потерпела жестокое поражение, позволившее немецким войскам дойти до Ленинграда и Москвы, а потом и до Волги, и почему наша страна все-таки сумела выстоять и одолеть сильного, жестокого и коварного противника?

В заключение отметим еще раз упоминавшуюся выше тенденцию, проявляющуюся в современной историографии Великой Отечественной войны, связанную с резко негативным отношением к историческим трудам предшествующих периодов. Только за последние четыре десятилетия, - писал Н.Г. Павленко в 1989 г., - у нас ушли в небытие, если так можно выразиться, три поколения трудов о минувшей войне. Но правдивой истории о ней как не было, так и нет до сих пор..." (83).

Наиболее тотальной критике подверглась 12-томная "История второй мировой войны", вышедшая в свет в 1973-1982 гг. "Весь многотомник был поражен не отдельными пятнами, - пишет А.Н. и Л.А. Мерцаловы, - а сталинской методологией. Картина войны оставалась ложной" (84). Как уже отмечалось, в многотомнике есть немало недостатков, но вряд ли нужно его полностью отвергать.

"Видимо, - пишет доктор военных наук генерал армии М.А. Гареев, - естественно стремление каждого поколения людей заново, с высоты новых знаний и накопленного опыта, осмыслить свое прошлое. Правомерно и ожидать, что процесс такого переосмысления исторических событий и фактов должен приводить к более глубокому их постижению и приближению к объективной истине. Вместо этого мы все чаще сталкиваемся с такими фактами и толкованиями прошлых событий, которые не столько проясняют историческую истину, сколько ее искажают и порождают вместо старых новые мифы в угоду некоторым современным политическим устремлениям" (85).

Невольно возникает вопрос: почему историческая наука так трудно ищет ответы на многие вопросы? Казалось бы, историки досконально изучили причины возникновения и ход Великой Отечественной войны и второй мировой войны в целом. Но и сегодня не утихают споры по многим проблемам историографии войны.

Отвечая на поставленный вопрос, следует подчеркнуть ряд обстоятельств.

Первое. Историческая реальность всегда многообразнее, сложнее, чем ее отражение в историческом сознании. В этом смысле процесс познания прошлого безграничен. Историки постоянно возвращались и будут возвращаться к переосмыслению множества событий, фактов, личностей, зафиксированных в исторической памяти.

Второе. Трудности объективного воссоздания прошлого, поверхностные выводы из уроков истории в значительной мере обусловлены влиянием политики на историческую науку. К сожалению, и сегодня, когда наметились новые подходы в изучении истории войны, "социальный заказ" по-прежнему вторгается в науку. Подчинение ее политике сохраняется, хотя и делается это другими методами, прежде всего путем материальной и моральной поддержки тех органов печати, радио, телевидения, которые отстаивают проводимую политику. Доступ к средствам массовой информации, к издательствам получают в основном те, чьи материалы не противоречат этому курсу. Как и в годы тоталитарного режима, продолжает сказываться конъюнктура.

Третье. Нельзя, разумеется, все списывать на счет политики. Всегда существовала и существует проблема не только внешних, но и внутренних установок исследователя, его нравственной позиции. История, в том числе и военная история - наука высоконравственная.

Доставшееся нам от прошлого упрощенное толкование истории в черно-белом цвете по своей нравственной сущности агрессивное и изначально неконструктивно. Историю надо стремиться писать такой, какой она была. При этом каждого историка должно быть элементарное уважение к истории своей страны, к тем поколениям соотечественников, которые были участниками исторических событий, тем более такого эпохального события, каким стала Великая Отечественная война.

Список литературы

1. *История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945.* - В 6-ти т. - М.; 1960-1965. - Т.2,3; *Великая битва на Волге.* - М., 1975; *Чуйков В.И. Сражение века.* - М., 1975; *История второй мировой войны 1939-1945. В 12-ти тт.* - М., 1973-1982. - Т.5,6; *Самсонов А.М. Сталинградская битва.* - М., 1982 и др.

2. *50 лет Вооруженных Сил СССР.* - М., 1968. - С.316; *Морозов В.П. Исторический подвиг Сталинграда.* - М., 1982. - С.28-30.

3. *История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945.* - М., 1961. - Т.3. - С.114-121.

4. *Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах Статистическое исследование.* - М., 1993. - С. 186-187; *Центральный архив Министерства*

обороны РФ.- Ф.500.- Оп. 12526,-Пленка 30.- Кадры 6384064-6384073.

5. Иванов Ю.Н. Задание особой важности: Докум. повесть.- М., 1979.

6. Любимов В.А. Сергей Колыбин: Очерк боевого пути.- Киев, 1977.

7. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза.- М., 1953.-С196.

8. Очерки советской военной историографии.- М., 1974.- С.3; Перечнев Ю.Г. Великая Отечественная война в советской историографии.- М., 1984.- С. 11.

9. Оборона Одессы: Краткий оперативно-тактический очерк. - М., 1943; Оборона Севастополя: Оперативно-тактический очерк.- М., 1943; Елецкая операция: Оперативный очерк. - М., 1943; Разгром немецких войск под Москвой: Оперативно-стратегический очерк. - М., 1943; Битва под Сталинградом (17 июля 1942-2 февраля 1943): Оперативно-стратегический очерк.-М., 1944 и др.

10. Караев Г. Битва под Москвой: Разгром немецко-фашистских войск зимой 1941/ 42 г.- М.-Л., 1951; Ступов АД, Кокунов В.Л. 62-я армия в боях за Сталинград. -М., 1949; Твлюховский Б.С. Великая победа Советской Армии под Сталинградом.-М., 1953; Грылев А.Н. Победа Советской Армии на Правобережной Украине: Второй удар Советской Армии (1944 г.).- М., 1953; Трактунев М.И. Освобождение Западной Украины: Шестой удар Советской Армии (1944 г.).- М., 1954 и др.

11. Абрамов М. Большевистские газеты в тылу врага: Сб. материалов из подпольных газет Ленинградской области в период немецкой оккупации.- Л., 1946; Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сб. документов и материалов.- В 3-х т.- Одесса, 1948-1951; Виноградов И.В. Партизанская война на Псковщине (1941-1942).- Псков, 1950; Самсон В А. Партизанское движение в Северной Латвии в годы Великой Отечественной войны.- Рига, 1952 и др.

12. Важнейшие законы и постановления Советского государства во время Великой Отечественной войны.- М., 1946; Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938-1946 гг.-М., 1948; Народное хозяйство СССР.-М., 1956; Воронежская область в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов и материалов.- Воронеж, 1948 и др.

13. Анисимов И.В., Кузьмин В.Г. Великая Отечественная война Советского Союза (1941-1945гг.).-М. 1952; Воробьев Ф.Д, Кравцов В.М. Победа Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: (Краткий очерк).-М., 1953; Вознесенский НА. Военная экономика в период Отечественной войны.-М., 1947; Солдатенко Е.И. Трудовой подвиг советского народа в великой Отечественной войне.- М., 1954 и др.

14. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945.- М., 1960-1965.- Т. 1-6. /5. Там же.- Т.2.-С.10.

16. Там же.-Т.6.-С.124-125.

17. Там же.-Т.6.-С.35,43.

18. Там же.- Т.3.- С.17-18, 248-249.

19. Еременко А.И. Сталинград: Записки командующего фронтом.- М., 1960.

20. Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941-1945: Воен.-ист. очерк.- М., 1958; Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.-М., 1958; Общевоинская армия в наступлении по опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.-М., 1964 и др.

21. Барбаши И.П., Кузнецов А.И., Морозов В. П. и др. Битва за Ленинград: 1941-1944.-М., 1964.

22. Орловская область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Сб. документов и материалов.- Орел, 1960; Трудящиеся Харьковской области в Великой Отечественной войне.- Харьков, 1960; О партийном подполье в Минске.- Минск, 1961; Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины (1941-1943гг.): Документы и материалы.- Смоленск, 1962; Партизаны Брянщины: Сб. документов и материалов.- Брянск, 1962 и др.

23. Кравченко Г.С. Военная экономика СССР, 1941-1945.-М., 1963; Морехина Г.Г. Рабочий класс-фронту.-М., 1963; Митрофанова А.В. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941-1942).-М., 1964; Липатов Н.П. Черная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (1941-1945).- М., 1960; Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны.-М., 1963; Абишев Г. Казахстан в Великой Отечественной войне, 1941-1945. -Алма-Ата, 1958; Куманев Г.А. Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны (1941-1945).-М., 1963 и др.

24. Батов П. И. В походах и боях.- М., 1962; Белобородов А.П. Ратный подвиг. - М., 1960; Бирюзов С.С. Когда гремели пушки.- М., 1961; Болдин И.В. Страницы жизни.-М., 1961; Воронов Н.Н. На службе военной.-М., 1963; Красовский С.А. Жизнь в авиации. - М., 1960; Сандалов Л.М. Пережитое.- М., 1961; Трибуц В.Ф. Подводники Балтики атакуют. -Л., 1963; Чуйков В. И. Армия массового героизма.- М., 1958 и др.

25. Некрич А.М. 1941: 22 июня. -М., 1965.

26. Федоров Г. Мера ответственности // Новый мир.- М., 1966.- N 1.

27. Деборин Г.А., Тельпуховский Б. С В идейном плену у фальсификаторов-истории //Вопросы истории КПСС- М.. 1967- N 9- С. 127-140.

28. Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня -середина июля 1941 г.): Военно-ист, очерк.- М., 1962.

29. История второй мировой войны 1939-1945.-М., 1973-1982.- Т. 1-12. 1973-1982

30 Там же.-Т.2.-С.206.

31. Выстояли и победили: Документы и материалы.- М., 1966; Битва за Москву: Сб. статей.- М., 1975; Беспримерный подвиг . Материалы научн, конф., посвященной 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой.- М., 1963; Федоров А. Г. Авиация в битве под Москвой. - М., 1971; Московское ополчение:

Краткий ист. очерк.- М., 1969; Марамзин В.А. Военное искусство в битве под Москвой.-М., 1974 и др.

32. *Провал операции «Тайфун».-М., 1972.*

33. *Сталинград: Уроки истории. Воспоминания участников битвы.- М., 1976; Чуянов А.С. На стремнине века.- М., 1976 и др.*

34. *Курская битва.-М., 1970; Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г. Курская битва.-М., 1970; Битва на Курской дуге.- М., 1975 и др.*

35. *Будапешт - Вена - Прага.- М., 1965; За освобождение Чехословакии. М., 1965; Великий освободительный поход. -М., 1970; Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов, 1944-1945.-М., 1970 и др.*

36. *Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне.-М., 1971.*

37. *Финал: 3 сентября 1945 г.- М., 1966; Внотченко А.А. Победа на Дальнем Востоке: Военно-ист. очерк о боевых действиях советских войск в августе-сентябре 1945 г. - М., 1966 и др.*

38. *Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. - М., 1968; Козлов И.А. Краснознаменный Балтийский флот в героической обороне Ленинграда.-Л., 1976; Советские танковые войска, 1941-1945.- М, 1973; Инженерные войска в боях за Советскую Родину.-М., 1975; Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941-1945.-М., 1976 и др.*

39. *От Волги до Эльбы и Праги: Краткий очерк о боевом пути 5-й гвардейской армии.-М., 1970; В наступлении гвардия: Очерк о боевом пути 2-й гвардейской армии.-М., 1971; В пламени сражений: Боевой путь 13-й армии.-М., 1973; Люки открыли в Берлине: Боевой путь 1-й гвардейской танковой армии.-М., 1973; 16-я воздушная: Военно-ист, очерк о боевом пути 16-й воздушной армии (1942-1945).-М., 1973 и др.*

40. *Гречко А.А. Битва за Кавказ.- М., 1967; Его же. Через Карпаты.-М., 1970; Его же. Годы войны: 1941-1943.- М., 1976.*

41. *Брежнев Л.И. Малая земля.- М., 1978.*

42. *Восемнадцатая в сражениях за Родину: Боевой путь 18-й армии. - М., 1982.*

43. *Великая Отечественная война. 1941-1945: События, люди, документы / Краткий исторический справочник. - М., 1990; Комаров Н.Я. Государственный Комитет Обороны постановляет: Документы, воспоминания, комментарии. -М., 1990; Из истории Великой Отечественной войны (Документы и материалы) //Известия ЦК КПСС.-М., 1990. N 1-12; 1991. N 1-7; Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1).-М., 1993; Военные архивы России. Вып. 1.- М., 1993, и др.*

44. *Секретные документы из особых папок// Вопросы истории.-М., 1993. N 1.*

45. *Военно-исторический журнал 1988. N 8.*

46. *Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. - М., 1989; Анфилов В.А. Незабываемый сорок первый. - 2-е изд., доп. М., 1989; Буков К.И. Тревожный октябрь 1941-го. - Кентавр, 1991, октябрь-декабрь; Ковалев Ф., Ржевский О.*

Так начиналась война // Урок дает история. - М., 1989; Павленко Н.Г. На первом этапе войны // Страницы истории советского общества. - М., 1989; Сандалов Л.М. Первые дни войны: Боевые действия 4-й армии. 22 июня - 10 июля 1941 г. - М., 1989; Хорьков А.Г. Грозный июнь: Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны.- М., 1991, и др.

47. Битва под Москвой -М., 1989; Петров Б.Н., Зверев Б.И., Дайнес В. О. Битва за Ленинград: Военно-исторический очерк. - М., 1989; Корсунь-Шевченковская битва: Сборник. - Киев, 1989; Самсонов А.М. Сталинградская битва.-М., 1989, и др.

48 Сквозь огненные вихри: Боевой путь 11-й гвардейской армии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. - М., 1987; Давтян С.М. Пятая воздушная: Военно-исторический очерк боевого пути 5-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. - М., 1990; Громов И.И., Пигунов В.Н. Четвертый воздушно-десантный: Военно-исторический очерк. - М., 1990; Бегунов С.Ф. На защите Родины: Боевой путь 61-й стрелковой дивизии. - М., 1990, и др.

49. Колесник А.Д. Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. - М., 1988; Народное ополчение защищает Родину.-М., 1990.

50. Советская авиация в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945/Тем. сб. N 27. - М., 1988; Советские бронетанковые и механизированные войска в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. / Тем. сб. N 28. - М., 1989; Ананьев И.М. Советские танковые войска в годы Великой Отечественной войны. - М., 1987; В центре циклона: Балтийский флот в Великой Отечественной войне. - Л., 1987; Воронин К.И. На черноморских фарватерах: Военно-исторический очерк. • М., 1989; Родники победы: Боевые традиции войск тыла. - М., 1989; Дмитриев Д.М., Якубов В.Е. Боевой опыт химических войск и химической службы в Великой Отечественной войне. - М., 1989, и др.

51. Коренков И. С Не ставшие на колени: Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны в Брянской области. - М., 1987; Азяский Н., Князьков А.Плечом к плечу: Советские партизаны в годы подготовки и в ходе Курской битвы (апрель-август 1943г.). -Воронеж, 1988; Князьков АС, ЮденковА.Ф.Народная война за линией фронта. - М., 1990; Прудников М. С. На линии огня: ^Партизанское движение в Великой Отечественной войне. - М.. 1989, и др.

52. Горбатов А.В. Годы и войны. - М., 1989; Дружинин М.И. Мужают юноши в строю. - М., 1986; СорькинК.Л. Трудные дни сорок первого.-М., 1991; Телегин К.Ф. Войны неслитанные версты. - М., 1988; Баграмян И.Х. Так начиналась война.- Киев, 1988; Его же. Так мы шли к победе. - Киев, 1988; Василевский А.М. Дело всей жизни. - Кн. 2.- 7-е изд. - М., 1989; Жуков Г.К. Воспоминания н размышления.-Т. 1-3. 10-е изд.-М., 1990; Конев И.С. Записки командующего фронтом. 1943-1945 гг. - 4-е изд. М., 1989; Мерецков К.А. На службе народу. -5-е изд. М., 1988; Кузнецов Н. Г. Накануне: Курсом к победе. - М., 1991;

Рокозовский К.К. Солдатский долг. - 5-е изд. М., 1988; Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. - Кн. 1-2. 3-е изд. М., 1989, и др.

53. Грабин В.Г. Оружие победы. - М., 1989; Новиков В.Н. Накануне и в дни войны: Воспоминания.-М., 1988; Смеляков Н.Н. Урок жизни: Воспоминания.-М., 1988; Устинов Д.Ф. Во имя Победы: Воспоминания. - М., 1988; Шахурин А.И. Крылья победы. - 3-е изд., • М., 1990, и др.

54. Гранина Э.И. Ученые-фронту. 1941 - 1945.-М.. 1989; Пархоменко А.А., Федоров А.С. Сражающаяся наука. - М., 1990, и др.

55. Волков С.В., Емельянов Ю.В. До и после секретных протоколов. - М., 1990; Давыдов В.И. Пакт Гитлера-Сталина: Мифы и реальность. //Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. - М., 1990- С. 262-273; Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939-1941.- М., 1992; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. - 2-е изд., - М., 1989; Якушевский А.С. Советско-германский договор о ненападении: Взгляд через годы //Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. - М., 1989, и др.

56. Павленко Н.Г. Сталинистские концепции военной истории // История и сталинизм [Сб. статей. Сост. А.Н. Мерцалов). - М., 1991. - С. 355.

57. Семиряга М.И. Сговор двух диктаторов// История и сталинизм. - С. 201.

58. Семиряга М.И. Сговор двух диктаторов //История и сталинизм. - С. 208.

59. Семиряга М.И. Сговор двух диктаторов //История и сталинизм. - С. 209.'

60. Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война: Из непрочитанных страниц истории (1930-1990-е гг.). - М., 1994. - С. 180.

61. Вопросы истории. 1993. N 1. С.3.

62. Сахаров А.Н. Некоторые тенденции историографии истории России XX века // Новая и новейшая история. 1993. N 6. С. 88.

63. Мерцалов А.Н. «Не нужно спешить» //Московская правда. 1988. 25 сент.

64. Кулиш В.М. О некоторых актуальных проблемах историографии Великой Отечественной войны //История и сталинизм. - С. 328.

65. Черчилль У. Вторая мировая война: Пер. с англ. - В 6т. - М., 1991. - Кн. 4. - Т. 1-2.-С. 157.

66. Самсонов А.М. Знать и помнить: Диалог историка с читателем. - М., 1989.-С. 315.

67. Симонов К. Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. -М., 1989.-С. 353.

68. Соев В.Б. Начало войны: Суровые уроки истории //Аргументы и факты. 1987.- N25.-С. 8.

69. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. - Кн. 1-2. - М., 1989.

70. Карасев И. Историю забывать нельзя //Самсонов А.М. Знать и помнить. С. 23.

71. См., Известия. 1988. 12 окт.

72. Павленко Н.Г. Сталинистские концепции военной истории // История и сталинизм. - С. 355.

73. См.: Известия ЦК КПСС. 1990. N6.

74. Боффа Джузеппе 'История Советского Союза. -Т. 1-2 - М., 1990 - Т. 2. -С. 29.
75. Ковалев И. "Да, я сталинский нарком..."//Советский воин. - 1989. - N 19. - С. 18; Конев И.С. Воспоминание //Знамя. - 1987. -N 12. -С. 99.
76. Жуков ГК Воспоминания и размышления. - 2-е изд., доп. - М., 1975. -Т. 1. -С. 346.
77. Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Указ. соч. - С. 275, 274.
78. Соколов Борис. Цена победы. Великая Отечественная: Неизвестное об известном. - М., 1991.-С.166, 174.
79. Самсонов А.М. Знать и помнить. - С. 324.
80. Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Указ. соч. - С. 335.
81. Коваленко А. Правда о Матросове и матросовцах. - М., 1994. -С. 412.
82. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах (Статистическое исследование/- М., 1993.
- 83 Павленко Н. Как писалась история минувшей войны //Коммунист. - М., 1989. - N9. -С. 115
84. Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Указ. соч. - С. 112.
- 85 Гореев М.А. О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. -1991 - -N4.-С. 42.